

Нина Ющенко

Мир стоокий

*Современная отечественная
поэзия*

ББК 84(2Рос-Рус)6
Ю 98

Нина Ющенко.
Мир стоокий. Современная отечественная
поэзия / Нина Ющенко. – Ишим, 2024. – 168 с.
ББК 84(2Рос-Рус)6

It-книга
к 80-летию Тюменской области.

Стихи о Родине и любви

ISBN 979-0-706384-01-6

© Нина Ющенко. Стихотворения.
Поэма (текст), 2024

Лист 1-й

Ангел трубит
и бессмертным качает крылом

* * *

Отцветет сирень. Но будет
Все кукушка куковать:
Будет радоваться-плакать,
Горе ль будет горевать?
Позабудет, как летала
По-над лесом в злой тоске.
Окаянное то лето
Пропадет в глухом песке.
Ее голос одинокий
Близко или далеко —
Все равно. Мне мир стоокий
Дышит в сердце глубоко.

* * *

Осень притихла, коснувшись забытых окраин.
Забитые окна в домах деревенских пустых.
Деревья нагие. Как будто тоскующий Каин
Печалью своей осенил и поля, и кусты.
Уходит, как тень, исчезает коварное время.
В забвенье теряются даты, людей имена.
И новое жадное, нам незнакомое племя
Осень зачала. Что будет с тобою, страна –
Бог ведает. Только с окраин далеких
Все тянет и тянет родимым и горьким теплом.
И где-то на небе бездонном и страстно высоком
Ангел трубит и бессмертным качает крылом.

Старый город

У Тюменки и за нею
На фундаментах и без
Все старинные, резные
Из каких веков, Бог весть
Есть дома-простолюдины.
Окна пламенем горят.
Древнерусские картины
Здесь со мною говорят.
Эхо глухо в подворотнях
Стережет ушедший век.
И какой-то одинокий
Ходит все здесь Человек.

* * *

А у нас идут снега,
Легкие и белые.
Завалили берега,
Что же вы наделали —
Осыпаются, летят,
Спрятали полсвета,
Словно не было у нас
Солнечного лета.
А у нас — снега, снега
И метут метели.
Помнишь, в детстве
С белых гор мы с тобой летели?
А у нас идут снега.
Взрослые мы, что ли —
Затихают голоса,
Милые до боли.

*В.В. Якушеву, губернатору
Тюменской области 2005–2018 гг.*

Выпал снег. Зима в Тюмени
Невесома и светла.
Акварелью красит тени,
Тянет синью до угла
Дома, где резьба карнизов
Дремлет в древних полуснах.
Мир уже насквозь пронизан
Ожиданием: весна!
Весь одно предначертанье
Этот мир – один на всех.
И летит в любви признание
Над Тюменью первый снег.

Из детства

Я помню осень: на телегах
Везли арбузы и зерно,
И колыхалось занавеской
В избе открытое окно.
И хлебом свежего помола
Округа наша ожила.
Но бабушка «свое сыночка»
С войны по-прежнему ждала.
Она садилась за оградой
И долго так, из-под руки
Глядела. Счастья ради,
А, может, от своей тоски?
И было жаль смотреть,
Как гаснут ее незрячие зрачки.
И убегали мы, играя
В свои веселые мячи.

Образ разлуки

Т.А. Богдановой

Образ разлуки
В забытых проселках,
В структуре манящих дорог.
В пустующих селах;
(Их ныне, похоже, оставил
Наш праведный Бог.)
В запахах поля,
Полынного, дикого;
В криках тоскующих птиц;
В мамином облике
Образа тихого –
Юности теплых страниц.
Как мне унять его
В сердце разбуженном,
В зыбких, обманчивых снах?
Иль в этом мире,
Господом суженном,
Он мне ниспослан,
Как верности знак?

* * *

Дом деревянный стар.
Дом моего детства «сдал».
Но окна, как детства глаза,
Сияют. Солгать им нельзя.
Доверчивость и простота.
Манила к себе высота!
Сгорали сны бескручинно.
На печке тулуп овчинный
Свои согревал бока.
И жизнь, казалось,
Легка.

Проводы

Девушка косы не плетет
И птица гнезда не вьет,
Лишь ветер стучит да рвет
В клочья небесный свод,
Да стая степных ворон
Летает у ветхих ворот,
Да рамы сырой переплет
Рыдает. За поворот
Уходит дороги сталь,
И мама, накинув шаль,
Машет озябшей рукой.

На Родине

Здесь царство птиц,
Не пуганых, не битых.
Едва заря – звучат их голоса.
И синий бор, весь бронзою увитый,
И сказок позабытых чудеса –
Все первозданно, все еще в начале.
Небесный свод, как материн подол,
Когда ни горестей, и ни потерь не знали
Мы, дети Неба. Вечен наш простор.
И этих птиц весенних переливы
Напоминают, может, неспроста
О Родине, богатой и счастливой,
О той, где правит миром Красота.

* * *

У стен Тобольского Кремля
Мне немо и светло.
Здесь плечи древние церквей
Время не сожгло.
Я слышу пение старух;
Дрожание свечей.
И этот воздух, как стекло,
Ни твой, ни мой – ничей.
Никольский взвоз,
Как верный страж.
Ясно видеть окрест.
На свете нету для меня
Дороже этих мест.
Недосягаема врагам
На этой я горе!
А для друзей я, как костер,
Всегда хочу гореть.
Мне дорог памятник простой
На берегу Иртыша!
В родных просторах
День и ночь
Поет моя душа.

* * *

Прости меня, мама,
Дороги, как руки,
Качают бездомное
Сердце мое.
Где-то заброшен,
Кому-то завещан
Угол с названием
Станным жильё.
Прости меня, мама,
Пора сенокоса:
И травами пахнут
И медом утра.
И звень августовская
Над нашей оградой
И звон оцинкованного ведра.
И ты, вострепёнувшись,
Глядишь за ограду,
Запрятав тоску свою
В складках платка.
За домом, за речкой
Взметнулись до неба,
Как синие птицы,
Большие стога.
Прости меня, мама.
Кочевье, бездомье.
Я скоро приеду
Надолго-надолго.

* * *

Взять билеты на вокзале,
Да и «в глушь, в Саратов» – к черту!
Что Парижи и Монмартры –
Улечу, где любят «чокать».
Гнать «к едрене» перемены.
На телеге ездить в гости.
И прогрессу и регрессу
«Перемышть» неспешно кости.
Хлебосольством огорошить –
Пироги, блины, жаркое.
Жизнью заболеть хорошей
И любовью – все такое.
Может быть, хоть на полгода
Улечу, умчусь, исчезну.
Жить в «своей среде народа»
И не знать кипенья бездны.

* * *

Ах, Катюша-Катерина!
Хорошо у вас гостить.
Хорошо с Иван Васильичем
О жизни говорить:
О хлебах, что зреют в пояс,
О ремонте тракторов –
До всего коснуться, то есть,
И о заготовке дров,
Хоть немного, а для бани
Надо кубометров пять,
Или о цветах герани:
Пышно как цветут опять.
О погоде, переменах
Экономических в стране
Говорить в прохладных сенях,
Иль поехать на коне
На покосы, за груздями;
На вечерку – за друзьями!
В общем, хорошо гостить.
Дай Бог, сердцем не остыть.

* * *

Разведу цветок герани
На окне на городском.
Разве не были крестьяне
Мать и дедушка с отцом!
Не они ль в колхозном царстве
Рвали жилы, как гужи?
Жили все для государства!
(Мать их за ногу держи.)
Что познали? Век их краток.
На погосте, за селом
Сон их сладок.
Лишь герани
Все печалят о былом.

По земле необъятной российской

Закружили бесы разны...

А.С.Пушкин.

По земле необъятной Российской
Вроде калики, странницы, гостыи
Я бреду мимо сел и погостов,
Мимо далее печального свойства.
В устройстве бедной жизни
Есть тоже величье – не в обличье.
А духа и силы!
Никого никогда не просила.
Только Господа: неба мне синего.
Только ветра попутного сильного!
Вот иду мимо сел и погостов.
Что ж, вы встали, как вкопанный – бросьте.
Бросьте, миленький, вслед камень злости.
Непохожесть – для вас в горле костью.
Ну же, знаю, забили б камнями.
Только Воля Всевышнего с нами:
От нее и смеемся и плачем,
От нее что-то в жизни мы значим,
Иль не значим. Вот встали вы подло
На пути моем бешеной кодлой,
Залюлюкали, завизжали – бесы яростны.
Славу стяжали, вы, ущербные духом
И всегда ненасытные брюхом. Глухо,
Глухо в сердцах ваших темных. Томно
О любви мне еще говорите?
Вон подите!

Пересмешник

Здесь буйство акаций, травы конотопа.
Знойного солнца разливы потопа.
Разгулье июля, раздолье покоса
И пересмешник – с крутого откоса.
Кричит пересмешник: смеется иль плачет?
И крыльями-крыльями тяжело так машет.

Отступник

Он сам себя давно оплакал.
Давно себя похоронил.
Когда на окна дождик капал
И ветер по двору ходил,
Когда отчаянье стеною
Стояло около дверей,
Тогда секундой ни одною
Господь его не пожалел,
Отступника. Земли законы
Он здесь решил переписать,
Не ведая, в каких оковах
Ему отныне погибать.
К нему в окошко ночь стучится
Судом Отступника судить.
И месяц быстрой птицей мчится
Угар пороков остудить.

* * *

Ныне ангелы плачут повсюду.
Час уныния ныне настал.
Демон страсти безвольному люду
Грех падения нашептал.
И повсюду загулы да стоны,
Хлеб помоек и нечистот;
Пакость зрелищ, тюремные гоны
И, как стадо, заблудший народ.
У заборов далеких селений
И у стен золотого Кремля
Плачут ангелы, ищут спасенья.
В клочья рвется родная земля.

* * *

Благословенны Лета дни.
Благоуханны травы
И даль степей, огни
Зарниц, лукавые забавы
Любви и многое ещё,
Что трогает невольно.
И так на свете хорошо!
Но что же сердцу больно?

* * *

— За Родину! За Сталина! —
Кричал отец. — Огонь!
Недвижная окраина
Молчала. Только стон,
Подавленный, отчаянный
Летел со всех сторон,
Он к нам влетел нечаянный,
Но вскрикнул брат: «Огонь
За поправленных, обманутых,
Измученных людей.»
И клич летел. Но знал ли кто,
Что брат мой Лицедей?

* * *

Распяли.
Как ярко светила луна.
Они веселились и пели,
И ели.
И смачно ругали Христа.
С креста
Он поднимался под небеса.
«Чу-де-са», –
Вопила толпа и галдела.
Глядела
На действо немая луна,
Неистовым светом слепила
И выворачивала до дна,
И заново Души лепила.

* * *

Вечерний город глух и мрачен.
Над переулками луна
Висит. Она означает –
Какие нынче времена.
И эхо глухо
Сознание это понесет.
И город скорбною старухой
В небытие со мной уйдет.

* * *

Зима. И серые поля, и лес,
Застывший в ожиданье,
И прошлогодние стога. Земля –
Нерукотворное ваянье. –
Все в замети. Из края в край
Метет. То белый призрак
Невинных душ под выюжный грай
Хлопочет. Он справляет тризну
Мгновения земной любви;
Мгновенье жизни.

* * *

Начищу в доме зеркала.
Предновогодним блеском
Сияет снег. Колокола
Качает ветер с треском
На церкви, что на берегу.
Я отражение берегу
До вечера. Стихает день,
Декабрьский короткий.
На зеркала ложится тень
И отблеск ночи кроткий,
Таинственный в мерцанье свеч,
Всегда неповторимый.
И чья-то торопливо речь
О счастье земном. Мнимом?

В нашем городе снегопад

*Памяти Алексея.
Памяти тех,
кто погиб,
не вернулся.
Кто ждал.*

В тихом городе снегопад.
Мне сюда не вернуться назад,
Не узнать, как промозглый апрель
Будет гулко стучать в мою дверь.
В темных окнах погаснет звезда
Та, что в сердце вошла навсегда.
Свет ее я с собою унес
Вместе с ворохом гребаных грез.
Мне уже не вернуться назад
В город мой, где идет снегопад.
Кто всплакнет обо мне? Может, мать.
В снегопад,
 Листопад.
 Звездопад.

* * *

Будет лето. Будут снова
Колыхаться ковыли.
Будет дальняя дорога
Пропадать в густой пыли.
Будут птицы-небылицы
Над просторами кружить.
Чей-то голос одинокий
Над деревнею тужить,
Над деревьями, над полем –
Над родимой стороной,
Над моею головою,
Безутешною одной.
Будет лето.
Будет радость –
Будут светлые деньки?

* * *

Когда уснет продрогший город,
То среди сумерек, в ночи,
Какой-то странный-странный голос
НА всю Вселенную кричит.
Кричит о счастье и бессмертье,
О бесконечности миров.
И нет ему конца и меры,
И нет земных привычных слов.
Но выразить тоску и силу,
Любовь и тягу к Божеству
Он может. Ночью синей
Есть место только волшебству.

* * *

Уплывает усталый вокзал.
Сердце рвется на волю.
Тонкий месяц вприпрыжку бежал
По широкому полю.
А под небом, поближе к земле,
Так знакомо до боли
Музицировали во мгле, то ли
Звуки летели с небес,
Озаряя пространство.
А провинциальный уезд
В предвесеннем убранстве
Без молитвы, увы, без поста
Задремал забуранен.
Без нательного с детства креста
Истиранен.
Сердце рвется на волю
Туда, где легко и беспечно,
Где у Бога в запасе года
Жизни вечной.

Художнику

«Голубые девушки» Дега
Танцуют через годы и века.
А там, где я живу, идут снега
Голубые, как цвета Дега.
И, кажется – вся жизнь моя легка.
Так, что же ты, Художник-старина?
Рисуй, как обнищавшая страна
Безропотно (ее ли в том вина)
Склонилась возле паперти одна
Собора, чьи купола темны.
А как светло окрест снега видны!
Рисуй, что не приснилось бы Дега –
Безумные и годы, и века.

Метель-барыня

Все огни вдалеке пробиваются
На метельном сгорая ветру.
Все душа горемычная мается,
Бытия постигая игру.
Да плетет околесицу барыня,
Белоликая эта метель.
Она знает разгадку заранее
Вьюжных недель.
Но не скажет и слова единого —
Все в полтона, в полшепота все.
Кто услышит? Ради Бога Правдивого
Она кружит земли колесо.

* * *

Ни следа, ни вскрика птицы.
Ветер крестит зимний путь.
Звезд волшебных вереницы.
Из таинственной страницы
Я прочту вам что-нибудь.
Что-нибудь из книги судеб,
Хоть вам, право, все равно
Опечалит кто, осудит,
Или душу вдруг остудит
Смерти белое вино.

* * *

В доме пустом и старинном
Недолго останусь, чтоб вновь
Зимою холодной и длинной
Сердце обжечь о любовь
К этим безрадостно серым
В зимнем тумане полям,
Где пахнет соломою прелой,
Что развезут по паям
Крестьяне из ближней деревни.
Где тоже морозная мгла
Одела верхушки деревьев.
Чтоб я позабыть не смогла
Этой тоски безрассудной,
Русской неистовой, злой!
Настал ли для нас день наш судный –
Иль это о жизни былой
Поминки. Кругом одиноко
Белесая кромка небес.
И долго ль, не знаю, до срока,
Чтоб снова Всевышний воскрес?

* * *

Отчего так прикипела
Я душой осиротелой
К этим далям черно-белым –
Так судьба моя велела?
Вот акация седая,
Здесь полынью пахнет душно.
Как неловко приседает
Дом наш старый и ненужный.
У забора дождик плачет,
Словно старый клоун в цирке.
Он в своих ладонях прячет
Чьи-то письма, даты, цифры.
Только я, забыв упрямо
Про разлуки и потери
Так хочу увидеть маму,
Открывая в доме двери.
В нашей горнице, когда-то
Такой светлой и пригожей,
Полумрак. И виновато
Люди смотрят. «Отчего же
Здесь вы?» Тихо отвечают,
Головами все качают.
Рамы! Рамы отворите!
Ничего не говорите.

В сенях шум дождя по крыше.
Никогда я не услышу
Звук шагов ее несмелых.
Отчего так прикипела
Я душой осиротелой
К этим далям черно-белым?
Так судьба моя велела.

* * *

Помнишь детскую игру
В «Костылина и Жилина»?*
До чего же хорошо
Тогда на свете жили мы!
Свечерееет, и «айда
На широку улицу».
И, конечно, не беда,
Если небо хмурится,
Дождь накрапал, что с того –
Нам еще забавнее.
Я не знаю, отчего
Припомнилось то, давнее?

* «Кавказский пленник» Л.Н.Толстой.

* * *

Скошенным донником с луга потянет так сладко.
Звуки деревни замрут и утихнет печаль.
Месяца краешек в небе ликующем вспыхнет
украдко,
Багряно-горячим туманом оденется даль.
Тихо на Родине. Пусто, скорее, пустынно.
Над куполом церкви зависла так близко звезда
Ушедшего счастья, ушедших навеки былинных
Людей и столетий. «Их души вернутся сюда». —
Сказал мне священник, такой молодой
и смиренный.

На рясе поношенной новенький светится крест,
А речи исполнены веры глубокой нетленной.
О, Родина, где отыскать мне желаннее мест?
Скошенным донником тянет с прохладного луга,
В недалних покосах высокий шумит травостой.
Здесь сердце находит приют и участие друга,
Здесь верность и дружба пока еще звук не пустой.

Какие родимые дали

В.Л. Ташланову

Какие родимые дали,
Какая звенящая чужь —
Жнивье и поляны-поляны
И месяца краешек чуть.
И ивы у старой дороги,
И сосен дремучая тень.
Хранимые Богом чертоги
Да осени благостный день.

* * *

Уехать к маме, в отчий дом,
Еще родной и не остывший.
И знать, и думать лишь о том,
Что счастье дается свыше:
Дается хлеб, дается кров,
Земля, что лучше всех на свете.
Я буду думать про любовь,
Какие у меня родятся дети;
Что у нас сильная страна
И мощь в одной аббревиатуре*,
Что мне счастливая судьба дана –
Самой не быть бы только душой.
Уехать к маме! Но куда –
Где отчий дом и где Отчизна?
Остывший кров. И лишь одна
Горит звезда да правит тризну.

* СССР.

* * *

Тоска далеких деревень,
Огней мерцанье.
Не знаю я, который день
Нам стал прощальным.
Который год, который век
Игра какая?
Не знаю я, бездумья грех,
Судьба ль лихая
Сжигают нас наперекор
Святым желаньям.
И стелет жизни коленкор
Тоска мерцаний.

Приишимские были

*Памяти участников крестьянского
восстания 1921 года.*

1.

По Приишимью обелиски.
Степных ветров поверья.
Я распахнула в сенях дверь,
Заслыша говор близкий:
— К учителке. Звала вечор.
— Наталья Филимоновна!
(Сейчас я мигом все на стол:
И чай, и сахар, и лимон).
И вот сидим в плечо-плечом.
— Разбередила душеньку,
Хоть поросло оно быльем,
Но если вспомню о былом,
Ох, дочка, снова лихо мне.

2.

Жестоким был январь.
Вражда жестокой.
Едва лишь утро
Встало на востоке,
Забились над землей колокола.

Мать двери в сенях
Крепко заперла: беда.
— Беда. — неслося по откосам. —
На брата — брат!
Не сено косят —
Под корень баб и ребяtnю.
— Бандит, прикрой свою мотню.
В ходу и вилы, и топор.
Ой, лютый вышел разговор.

3.

Выли бабы. На рассвете
Солнце купол золотило.
Шли бандиты
К Божьей церкви,
Злоба их глаза застила.
— Стыд и грех
Оставь монахам.
— К такой матери катись.
— Что примолкли, краснопузые,
Хлеба надо? На,ко, жри.
В доме утром
Мрак и темень.
Солнце печку не согрело.
— Тише, дочка, тише-тише,
Что ты громко заревела?

– На дороге сто подвод.
А у церкви, слышь, народ.
– Не народ, а все бандиты.
– Кто-то там уже убитый!
– Ма-амка!
Над учительницей нашей
Вилами огневский* машет.
– Тише, дочка, не реви,
К нам бандитов не зови.
Пес в ограде взбушевался.
– Верный-Верный, помолчи.
Шибко боязно в ночи.

4.

Десять дней
Морозом стыл
Тот январь.
Крови попил.
Снег скрипел,
Как хруст костей.
Ох, послал Господь гостей.
Штабелями возле церкви
Трупы, трупы...

* Огнево – село в Приишимье.

– Мама, где ты,
Где ты, мама, где ты, где ты...
Мы теперь одни на свете.

5.

Как бежала по сугробам,
Задыхаясь в снегу.
Верховой. Проехал кто-то –
Притаилась, ни гу-гу.
Через кладбище глухое,
Через речку, толстый лед –
То-то времечко лихое.
– Девонька, лети вперед
За подмогой!
– Где подмога?
– Маша, милая, крепись.
– Положися, мать, на Бога.
– Люди добры, дайте пить.

6.

Белый саван.
Белый снег.
На дороге санный след.
Брат – на брата,
Мать – на дочь.

Что делили-то? Невмочь
Было нам понять потом:
Плуг с землею,
Плеть с кнутом.
Саван белый,
Белый-бел...
Покуражиться успел
Тот. Кто власти захотел.
Кому правда,
Кому ложь;
Кому пуля,
Кому нож –
Все смешалось
В общей свалке.
Все свои. Все были сваты.
Все – за Русь! И все солдаты.
Святы?
Грешники робяты!
Куrolесили, хотели
Воли! Доли!
Ветра в поле
На-ка, выкуси!
Сполна
Того смертельного вина
Напились, не пожалели,
Всех под корень одолели:

Друга друг
И брата брат.
Белый саван.
Черный плат.

7.

Торжественно, неторопливо
Небо нависло
Над братской могилой.
То ли годы,
То ли века,
То ли просто над степью ветра
Пронеслись! А следов не смели.
И в Холодном логу до зимы
Не уходит вода никуда,
И трава на обрывах густа.

8.

Перезвон колокольный с утра.
Панихиду в церквушке вчера
Отслужили по тем убиенным,
Безвинным, казненным
В братской бойне
Гражданской далекой...
— Что закаркал вороной?
— Не охай!

* * *

Воздух морозный и колкий.
Снег под ногами скрипит.
А месяц рождественский тонкий
Над городом нашим летит:
Над улицей нашей,
Над домом,
Над сквером,
Застывшей рекой
И над собором,
В котором
Душа отыскала покой.

* * *

По склонам оврагов
Белеют едва
Ключки прошлогоднего снега.
— Там вербы склонились, —
Доносит молва. —
На ветках и свежесть, и нега,
И яркое солнце,
И радостный смех,
И птиц ликование на воле;
И что-то такое, родное для всех,
Такое родное до боли.
Ликующий возглас:
— Христосе воскрес!
Летит от земли
До высоких небес.

Лист 2-й

**Душа дика и безмятежна
(Степные напевы)**

* * *

От Ишима до Иртыша
Степь полынная. Не спеша
Ветер солнечный ходит волной.
Здесь ночами под белой луной
Гнутся травы и стонет ковыль,
И тревожная слышится быль
О походах бухарских вождей,
Тайных кладах и скрытой вражде;
Крики ратников, топот копыт:
Это конница дико летит!
Вот промчалась, победой горя
За миры, за века, за моря.
Бродят тени сражений былых,
Отражаясь в полынной пыли.
И томится здесь чья-то душа
От Ишима до Иртыша.

* * *

Душа дика и безмятежна,
Как ландыш ранний на лугу.
Я соберу свои печали,
Оставлю их на берегу.
Пастух прекрасный и суровый
Сведет к реке поить коня
И заглядится как в Ишиме
Трепещет теплая волна.
Он зачерпнет в ладони воду
И будет пить, и будет пить
И взглядом долгим и горячим
Мне будет душу бередить.
Я стану след его нездешний
Руками тонкими ласкать.
А ветер будет мое платье
В закате алом полоскать.

* * *

Вчера в степном ауле
Кумысом угощали.
Собаки громко лаяли,
Продавали шали.
Казашки молодые
Шептались в занавеску.
Тянуло горьким дымом.
Торжественно и веско
Старуха повторяла:
– Салам алейкум, дети,
Сама маленько пряла.
Была скупа в движеньях...
Но как красноречиво
Солнце догорало
В речке молчаливой!
А мне казалось это
Уже когда-то было:
И степь, и жеребенок,
И дойная кобыла;
Казашки молодые
Гостям ковры стелили,
А солнце в синем небе
Нещадное палило;
Ковыль к земле клонился
И пахло горьким дымом,
И сердце трепетало,
Как чайка над обрывом.

* * *

Рыжие сосны пылали всю зиму.
Всю зиму всходила шальная луна,
Как будто какую-то тайную схиму
Хотела принять и боялась она.
Снегами восторга взрывалась округа
Звучали сонаты с высоких небес,
А в заколдованной области круга
Дышал и безмолвствовал лес.

* * *

Я не знаю, откуда взялись,
Сорвались,
Прилетели метели?
Как кричали в степи оголтело
Стаи птиц
Там, где грива синела.
Эта грива из древних времен,
Из далеких и тайных преданий.
В них начертано: в мире грядет
Скоро новый творец Мироздания.
А метель сорвалась и летит,
Озаренная яростным светом.
И летит по степи:
То гудит, то скулит,
Как зверек пред рассветом.

* * *

На рассвете, за окошком,
Снег скрипел, как
Лист капустный.
В доме печь
Топили жарко,
И пылали лампы ярко!
Отчего мне нынче грустно?

А здесь только степи да кони

А здесь только степи да кони,
Да смуглые пастухи.
Здесь на меня старухи
Смотрят из-под руки.
И небывало новое
В осени над рекой.
Я не знала, что может
Быть на свете такой покой.
Укачивая, уносит
По еле видной волне
Сентябрь свои заботы
И легкую боль обо мне.
Плакать не надо более –
Губы твои далеки.
А мною тропинка протоптана
Вдоль берега, у реки.

Кызыл Жар*

«Кызыл Жар» – пост пограничный.
И ковыль, и степь без края.
Все как прежде, все привычно:
Дикий коршун в небе тает,
Вянут заросли полыни,
Солнце катится лениво
Казахстанской желтой дыней
Упадет под вечер в ниву,
Серебристую от зноя.
Жар. Над степью с воем
Только ветер тучи гонит.
Да стреноженные кони:
– Никого никто не тронет!
Что же сердцу так тревожно?

* Пограничный пост на границе России и Казахстана.

* * *

Весна врывается.
И возле
чуть приоткрытого окна
взрывается!
Капелью
Выстукивая имена
забытые.

* * *

Я сердце свое прижала
К тебе, Земля.
А ты лежала,
Холодная и черная, —
Болело тело твое.
Небо поет тебе
Песнь бессмертия.
О, Земля,
Кого ты простишь
За раны твои и кровь?

* * *

Шиповник – цветок Зодиака.
Я только дотронусь слегка,
И тайна небесного знака
Мне будет, как прежде, близка.
Как прежде, когда над Землею
Я синий увидела свет
И это степное убранство –
Шиповника розовый цвет,
И это свиданье в Эдеме,
В уже невозвратном саду,
Оно повторялось в тандеме
Изгнанников. В вечном аду
Кипят их пороки и страсти.
О, праведник был бы мне мил!
Он с веткой шиповника, властный,
Когда-то средь них проходил.
И знака, небесного знака,
Он здесь обронил письмамена...
Шиповник, цветок Зодиака,
Расцвел под окном у меня.

* * *

– Сколько милостей у Бога, –
Ты не спрашивай, считая,
Все равно живешь, играя.
Все равно не скажешь:

– Много.

Вспомнишь (разве это странно),
Если только после смерти
В мирозданье круговерти
Об одной, всегда желанной.

* * *

Я люблю эти сумерки ранние,
Шелест ветра, сияние звезд,
И далекие, часто обманные,
Песни юности, песни грез.
Я люблю, только дни стали суетны,
И уже не разделим мы вновь
Шелест ветра и грезы, и сумерки,
Безгреховность и праведность слов.
Я люблю эти дали! Пронизаны
Они вечностью и тоской.
Словно бусы на нитку нанизаны
Звезды в небе – достанешь рукой.

* * *

В.Н. Евсееву

Ах, цветочки мои –
 колокольчики.
Голубые васильки –
 все узорчики.
Все узорные –
 беспризорные.
Средь лесов и полей,
 эх, задорные.
Затаенные,
 травой скрытые,
Лишь степные ветра
 гудят сердитые.
Ах, цветочки мои –
 все лучистые.
Над родной стороной –
 звоны чистые.

Сибирь – Москва

До Ямской – Поварской
далеконько.
Ой, Сибирь, ты, Сибирь –
моя сторонка.
В поле ветер – буян,
сборы долгие.
Все леса да бурьян,
травы колкие,
Травы горькие,
непримятые.
Над тобой воронье
да все сватами.
Ой, Сибирь – сторона
моя раздольная,
Ты на свете одна,
воля-вольная!
Далеко ль до Москвы,
родной матушки –
Не сносить головы
твоим сватушкам.

* * *

– Торжества не будет,
глупая,
Завалило снегом
землю глухо.
Не заглянет суженый
к огоньку,
Будешь одиначенькой
на веку
С горькою радостью,
С бабой – бедой.
– Кто это в сениях?
– Открой!
– Ой!

Зимний вечер

Все дальше город бестолковый,
Все глуше улиц суета.
И только месяца подкова
Да снежных далей пустота
В лицо, горячее от встречи,
От недомолвок и игры
Летели. Зимний вечер
Был, как данайские дары.

* * *

Печальное лицо аборигена.
Насквозь пронизан фон степей
Ветрами. Лишь седой репей
Торчит. Смешав традиции и гены
Горят святыне небеса
Над нами. Я и он –
Один степной протяжный стон
и сон,
Безгрешный детский сон аборигена.
Аполлинера
Прочту, отметив про себя:
Ишим мой – не Париж, не Вена –
В забвении горишь,
Мгновения
Считая любви и жизни.
Без укоризны
Пройду сей путь. Когда-нибудь
Он повторится. В аборигене?

* * *

В метельном городе
Смешенье огней и снега,
Круговерть движенья.
Чужие мненья.
Сметенья.
Увлечение игрой.
Паденья.

2013 год

Великий пост. Начало марта.
Дни покаяния в грехах.
Пусть повторят неоднократно
Их небеса в иных веках.
Но этот, этот в ожиданье
И катастрофы и конца
Устал! Смертельным одеяньем
Его наполнились сердца.
Молюсь, чтоб вера оживила
Огонь угаснувшей души,
Чтоб Божья сила озарила
Простор Отческой глуши.

* * *

Засыпал снег дороги,
Как будто невзначай.
Не выйду за ворота-
Мне некого встречать.
Сороки мне стрекочут
С утра до темноты
Особые заботы,
Забытые мечты.
Ни горя и ни боли –
Тоска по городам!
Бедное жилище,
Кому тебя отдам?
Окно под шторой белой
Белее белых стен.
Ах, бытие в провинции –
Один неяркий день.
И только рано утром
Тревожит и смешит
Базар сорок ильинских,
О, жить бы, долго жить!

* * *

Зима. Покоем дышит степь –
Величием безмолвья.
А солнце, встать едва успев,
Опять ложится к изголовью
Небес. А то на целый день
Скрывается в завесе снежной.
И мне, признаюсь, как-то лень
Писать. И говорить о нежном
Начале наших бедных встреч,
Текущих недомолвках.
Давно пора глаголом сжечь
Бы эту странную неловкость.
Но тянется. Как хвост собачий
Дрожит на гибельном ветру.
Быть может, что-нибудь означает,
Когда-нибудь, когда умру.
А степь безмолвно величава
И счастьем бытия полна.

* * *

Оттепель. И свиристели
На тополя во двор слетели.

Синели

В сумерках поля
И уходили к горизонту,
За городом, где я жила.

* * *

Дикий ветер лишь качает карусели
И срывает на углу листы афиши.
В декабре, после морозов, оттепель —
 подумать страшно...
Моросит капелью с крыши
 Дикий ветер — вечный бражник.

* * *

Убежит луна за крыши
Недалеко, близко тут.
Мне в лицо поземкой дышит.
Вяжет белой вязью путь.
Спят кругом однообразно
В снежном мареве поля.
А на небе горнем праздник
Счастья празднует земля.

* * *

*В южных районах Западной Сибири
ожидаются туманы.
Из метеосводки.*

Упали белые туманы
На холм, на синие поляны,
На лес, темнеющий, на крыши –
Мир белым шелком кем-то вышит.
И по дороге белой мчится
Луна вся в белом. Пес мой злится –
Не до прогулок, господа!
Уж, скоро яркая звезда
Сверкнет на белом небосклоне
И ночь, вся белая, утонет
На миг, до белого утра.

* * *

Сто лет не вернусь, не приеду!
Пусть заносит снегами Тюмень,
Пусть отпразднует кто-то победу,
Пусть запомнится пасмурный день!
Буду мчаться на поезде скором
Все на Север, где ягель в цвету,
И никто никогда не оспорит
Все, что я, потеряв, обрету.
Пусть утонет в метели сей город,
Воют ветры под каждым окном,
Если тот человек, что мне дорог,
Ничего не сказал об одном:
Утаил, не поведал, где вечно
Обитает над миром душа.
Отчего же тогда я весь вечер
Свечи веры, почти не дыша,
Зажигала! Какая неволя
Или тайна в молчанье была?
А над городом темным, над полем
Все луна освещала и жгла.

Песня

А я уйду к цыганам в табор –
Ты не удерживай меня!
Там будет вольный ветер пряный
Седлать горячего коня.
Там, на просторе, ярче небо
И выше травы вдоль дорог.
И, если ты еще там не был,
То знай, что воля – первый Бог.
Твой город завтра спозаранку
Покину – недолга печаль.
А ты забудь свою цыганку,
Ее узорчатую шаль.

* * *

Июль полыхает,
И пахнет клубникой,
И полем, и далью,
Такой многоликой;
Сбежавшим вареньем,
Сгоревшей любовью,
И чем-то неверным.
А, может быть, новью?
А, может быть, чем-то
Безмерно далеким:
Степную дорогой
И небом высоким?

Я вернусь

Я вернусь молодой и красивой
В этот город, где солнце и ветер,
И размахивать конь будет гривой,
На котором промчусь я под вечер
Мимо окон, что вспыхнут, как пламя,
Мимо скверов, где юные дамы
Говорят о любви и поэзии, -
Все о том же, о чем и мы грезили.
Я вернусь молодой и беспечной!
Травы будут мне голосом вечным
Все шептать о любви и разлуке,
О тоске и о счастье – о муке –
Все о жизни земной,
такой краткой –
Все о ней, о всеильной загадке.
Я вернусь!

* * *

Как прошлогодний снег, растает
Моя любовь, моя тоска.
Я позабуду, как съедает река
Сухие берега судьбы
Безмолвной и опальной,
Летящей искрою звезды
Всего мгновение.
Опасной
Узлом затянутой узды.

* * *

Зима пекла блины печали
На перекрестках тишины,
И ветки тополя качались
И были издали видны
До горизонта бесконечно
Поля и снега кутерьма.
Топилась печь, сгорали свечи
И я чуть не сошла с ума.

* * *

Ах ты, мужичонка
заскорузлый,
Не чесать тебе да кудри
свои русы.
Не ходить тебе по пашенке
раздольной,
Не певать тебе да песенок
привольных.
У тебя, у мужичонка,
нету силы,
А твой конь вороной
да стал сивый.
Отчего так приключилось,
рассказал бы,
А по лавкам-то по винным
не скакал бы.
Отчего продался в полон-то
чужбине?
Ах ты, мужичонка,
Боль - кручина.

* * *

Обветрены щеки –
розовый шелк.
Ветры предзимние
щелкают – щелк.
По крышам, в деревьях
в сибирских деревнях
Песни высвистывают
древние – древне,
Чтоб красные девицы
За ворота ходить опасались:
Ха-ха-ха !
Вертят и крутят
неласковый кнут,
Подолы неистово
кверху загнув, ну,
С утра разгулялись,
по горло хмельны
Ветры, что слышат
дыханье весны.

* * *

Я, как степь Приишимья зимою,
Холодна и пустынна.

Не ищите общенья со мною —

Очевидна

Бесприютность озябших полей

И всего Мирозданья.

Что на свете верней ролей

Тех, которые дал нам Создатель?

Доиграем и допоем

Или на полуслове замрем — умрем?

Суть не в этом, представьте, не в этом —

Помнить степь приишимскую летом,

Напоенную яростным светом,

И шептать мне, метельной, об этом.

Новогоднее

Поутру вновь собака лает
На тихий снег, а он идет.
И свиристелей быстрых стая
Летает около ворот.
Десятый час, а солнце еле
На медный всходит горизонт.
И затаенно смотрят ели:
Какой за годом год грядет?

* * *

По старинным переулкам,
Немощным и глухим
Только ветер ходит гулкий
Диким посвистом лихим.
Ни души во тьме глубокой,
Ни одной родной души,
Только месяц светлобокий
Из космической глуши
Выйдет, встанет в поднебесье
Над родимой стороной
И развеет бездну бесов.
И останется со мной.

* * *

Смыслы. Знаки.
Ануннаки – враки?
Маки. Лай собаки.
Черти. Маги.
Колдуны. Тетки.
Сукины сыны. Сны.
Начало сентября.
Что-то все не так.
А зря?

* * *

Ветер поля. Полудрема.
Полдень жаркий
Возле дома.
Возле сада-огорода
Сена старого зароды,
Крик крапивы,
Запах пыли
С горьким привкусом полыни;
Запах мяты,
Краски лета.
Плед измятый.
Многи лета
Ожидания и грезы.
Духота,
Тревога,
Грозы.

* * *

За селом полевая дорога.
Стадо в поле, березовый лес.
У прошлогоднего старого стога
Бок отвалился, облез.
Тихо плывут облака и читают
Бесцветную книгу судьбы.
Здесь ласточки гнезда себе не свивают,
Как прежде, у крайней избы.
«Куда подевались? – Горюет старуха, –
Какой-то опять переплет.
И в небе, вон видишь, давно не летает
Блестящий такой самолет.
Зачем и живу-то,
Печалюсь да жалюсь,
На зиму, вон, надо дрова.
Колхозное счастье-то
Не состоялось. Как вспомню,
Так кругом идет голова».
И медленно, медленно звуки витают.
И только у самых окон
Сорока летает да небо роняет
Серебряный свой перезвон.

Песня Сольвейг

Песня Сольвейг
В пространстве зимы
Так звучит одиноко и страстно.
Среди вьюг и полуночной тьмы,
Может быть, так звучит не напрасно:
В ожидании встреч и разлук,
В ожидании дня и рассвета –
В переплетении рук;
В круговороте приветов
И событий, и чьих-то интриг,
И побед, и боев, и тревоги.
Воссоединения миг.
И снова – дороги.
Песня Сольвейг...

* * *

Под Ишимом, в степи,
Солнце жарит нещадно,
Словно Боги поддали огня.
Вороны каркают бранью площадной
Господи Правый, помилуй меня!
Гнутся от зноя шершавые травы,
Ветер горячий в лицо.
Вон, на пригорке, Господи Правый,
Родимое наше сельцо:
Пыльные улицы, дом кособокий,
Ворота совсем набекрень.
И только по-прежнему в небе высоком
Ясный и благостный день.
Он то и манит меня и тревожит,
Тянет щемящей струной.
Тяжко как! Меч свой из праведных ножен,
Господь, ты вознес над родной стороной?

Лист 3-й

Вдали, где красен горизонт
(Этюды)

* * *

Вдали, где красен горизонт,
Живет одна певичка –
Кукушка одинокая,
Серенькая птичка.
Когда смолкает шум листвы,
Она в недалней чаще
Поет мне песню о любви,
А, может, о несчастье.
Я затихаю и боюсь
Смешной казаться людям:
(Им добрыми не просто быть
И просто очень – грубыми).
И я прошу, не смейся ты,
Когда в недалней чаще
Поет мне птица о любви,
А, может, о несчастье.

* * *

Зима. Сорочкино.
Пейзаж незамысловатый:
Налево – снег,
Направо – снег,
Как будто виноватый
За простоту, за неуспех,
За неприятие утех
Сомнительного свойства,
Надутого геройства.

* * *

З.Я. Селицкой

Свежесть осени и ветра,
Улетающего в даль
И небес, уже остывших,
Холодеющая сталь –
Все мне кажется загадкой,
Вечной тайной Божества,
Даже эта, под ногами
Вся измятая листва.

* * *

Когда июльские дожди
Прибьют, как пыль, тревогу,
Я долго глаз не отвожу,
Одна до сумерек гляжу
На мокрую дорогу.

* * *

Денечки последние лета –
Веселый лукавый приют.
Ликующим светом согреты –
Недолго им праздновать тут:
Сгорят, улетят, не вернуться.
Но врежется в памяти взгляд:
Пылают деньки. Оглянуться
Едва ли успеешь назад.

* * *

Дождило.
До утра сквозило.
И шум неясный
С луга доносило.
Голосила округа:
Гнали лошадей.
И непогода –
Властный чародей,
Под корень
Лето красное
Косила.

* * *

Январь. Сиреневый пейзаж
За домом, возле луга:
Осинник там и березняк.
И ни врага, ни друга –
Пустынно.
Там не вернисаж. А так,
Пустяк – равнина,
Снежная долина.

* * *

Снег ослепляет.
Ярко. Тает.
Вон, пьёт из лужи
Воробей.
К нему ещё один
Слетает.
Им хорошо здесь.
Хоть убей, они чирикают
Немолчно.
А среди мартовских равнин
Вот след бежит
Глубокий волчий;
Репей торчит,
Как перст, один.

* * *

До Покровá цвели цветы
И было жарко.
И звезды падали во тьму
Так ярко.
А вслед за ними наступал
Рассвет студеный
И солнца луч в цветах сиял,
Граненый.

Диалог

Время?

– Старость.

Что осталось?

– Безысходность и усталость.

Или будет еще радость –

Этой брэнной жизни малость?

* * *

Зима. Январь. Закат стеною
Морозным блеском красит свет
В полнеба. Как волною
Потемки скроют яркий след
Ушедшего. И вновь со мною
Ночное эхо дальних лет.
Как живо, близко их звучанье
В заиндевающей глуши;
И улиц гулкое молчанье,
И стон глухой моей души.

* * *

Листья облетели.
В доме пусто, серо.
В сумерках к дороге
Воробьи слетели.
Словно перед праздником,
Тревожно и светло —
Счастье ожиданием
На сердце легло.

* * *

Когда на желтые поляны
Цвет одуванчиков упал,
Зеленый лес листвою пряной
Неудержимо ликовал.
Цвела черемуха, но были
Еще туманными утра,
И облака по небу плыли,
И дети грелись у костра.

* * *

Лучше займусь «Психологией» Юнга.
Вечер бездарно пройдет, так и знай!
А если приснится яркого юга
Благоухающий трепетный край,
То до утра безмятежно, как в детстве,
Усну. Ни к чему разводить канитель:
Часы заводить иль какое-то средство
Еще применять! Среди выюжных недель
Спасенье мое – «Психология» Юнга:
Главы за главами – наперебой.
А между строчками думать о юге –
Жаркой стране голубой.

* * *

Жуланчик-голубчик,
Не ты ль прилетал?
Утром, на зорьке
В окошко стучал.
Муж пробудился,
Меня забранил.
И снова, безумный,
Он горькую пил.
Он пил. И звенел
В поднебесье апрель.
И настезь окошки,
Распахнута дверь
В тот переулок,
Где до поры
Сгорели беспечности
Нашей костры.
Жуланчик-голубчик,
Какая печаль:
Такая кругом
Невозвратная даль,
Что сердцем измученным
Я не пойму – в оконца мои
Ты стучал почему?

* * *

О, как цветут у дальнего забора
Веселые степные васильки,
Как много в них весеннего задора,
Как расплескались синим цветом лепестки!
Я к ним пройду заросшим огородом,
Забытою дорожкой одной.
Спрошу у встречного и хмурого народа:
– Где дом, товарищи, мой дом родной?
Одни развалины. Глухое пепелище
Да ветер горький, ветер полевой
Один, как перст, летит и свищет
И кружит, кружит над моею головой.
Зачем цветут у дальнего забора
Веселые степные васильки?

* * *

Травы скошены. Над лугом
Перелетных птиц тоска,
И очерченное кругом
Небо в сизых облаках.
Перестал кричать за лесом
В теплой заводи кулик,
Обернется в полдень лето
Так, на краткий только миг.
И опять висит над лугом
Окаянная тоска,
И плывут все тем же кругом
Снеговые облака.

* * *

Ах, ты счастье мое, бело-розовое,
По-над городом дождь
Из тучки грозовой.
И ликует, поет, благовестится
Синий дол, старый дом
С тихой лестницей.
А в окошки навзрыд
Брызги яркие.
А на память — слова
Твои жаркие.
Ах, ты счастье мое, непутевое,
Что ни день, ни другой —
Все с обновой,
Бесталанное, горемычное.
На Руси вековой
Дело свычное:
То ли стерпится, то ли слюбится.
Все авось да небось —
Не погубится. Ах.

* * *

Закатный луч на стены храма
Упал бестрепетный, короткий.
Замысловатый отблеск рамы
Сгорал в его объятьях кротких.
Затихла служба. Только свечи
Недвижным пламенем сияли
И угасали.
Покой, да чей-то шелест речи,
Служителя неясный профиль,
Да чей-то вздох, что муж все пропил.
Пороки, увы, и здесь не оставляют
И волноваться заставляют.
Но солнца луч в закатном блике
Сверкнул не зря:
Взгляни, живыми смотрят Лики,
Когда заря.

* * *

Стыннут сжатые равнины –
Неоглядно и светло.
Чуть колышет паутина
В запотевшее стекло.
На лугу, в отаве сочной,
Кони замерли на миг –
Показалось, будто солнце
Стелет мостик напрямик
По воде, где серебрится
Даль от раннего утра.
Пастухи твердят сердито:
«Холодает, не пора.
Не пора, промчалось лето,
Словно буйный молодняк,
Ты, сынок, теплее, это,
Иней выпадет на днях».
Стыннут сжатые равнины,
В синих далях пустота;
Затихает не ревниво
Над землею суета.

* * *

Электричка, легче птички
Из столицы улетай.
До Ишима, пашен мимо,
Мимо быстрых, диких стай
Уноси в простор безбрежный,
Где лучистая звезда.
Ветер, путник мой небрежный,
Не оставит и следа
От лукавых недомолвок,
Разрушений и обид,
От людей чужих и ловких,
Там у них Поэт убит.
Мимо-мимо, до Ишима
В лесостепи – край родной!
Электричка, ах, сестричка,
Как мне жить теперь одной?

* * *

Солнце – на лето, зима – на мороз.
Экое счастье Господь нам принес.
Экое счастье заблудшей судьбы –
Заброшенных ставень у крайней избы;
Долгие сборы коротких дорог,
Горячие споры, обитый порог.
Только и было-то радости миг:
Сына рожденного сладостный крик.

* * *

Отзимье. Слякоть.
В парке плакать
Взялась до вечера капель,
И синий голос неба петь
Про ожиданье.

* * *

Однажды утром стало тихо.
Все улетели – никого.
Лишь осень серой воробьиной
Прижалась к крыше моего
Неутепленного домишка.
Парнишка соседский
С кринкой молока вот пробежал
И вдруг споткнулся. Издалека
Ни звука внятного – туман
Ползет к крыльцу
Бездомной кошкой.
В окошко уже не весело глядеть
И думаю: куда бы мне
Собраться тоже улететь?

Ссора

Будем слушать голос ветра
И молчать, молчать,
Если даже веткой в двери
Будет ночь стучать.
На заре опавших листьев
Снова будет тьма,
У тебя повадки лисьи –
Мне ясны весьма.
Звезды высыпали ярко
Над людьми блистать.
О, зачем глядишь так яро –
Нам с тобой молчать.
Будем слушать голос ветра,
Ссора ни к чему!
Знай, ты будешь дорог вечно
Сердцу моему.

* * *

Я, лето, с тобою не спорю —
Причуд ты моих не поймешь.
Я, может быть, даже не стою порою
Того, что так щедро даешь.
Зелень твоя мне приятна,
Тепла я так долго ждала.
Зачем же толкуешь порою превратно
Сердечные наши дела?
Веселые хлопоты мая
Ушли с половодьем в луга.
Я счастья другого, конечно, не знаю.
Да, где ж те искать берега!
Я, лето, с тобою не спорю —
Причудлив орнамент любви.
Зачем же кружатся под небом порою
Сомненья мои и твой?

Былое

Александрe и Анастасии

Святки. Поздние гаданья.
Яркая луна.
И с горы крутой катанья.
В полночь – тишина.
В полночь – шорохи и вздохи,
Чуткий сон.
И влюбленности, и охи.
В счастье погружен
Старый дом и домочадцы,
Белый свет.
Звезды падают, кружатся.
А с зарей – рассвет.

Про котёнка

Бездомный рыженький котенок.
Да он еще совсем ребенок!
Едва лишь только из пеленок –
Забытый, брошенный, забитый,
Осенним дождиком залитый.
А мы пойдем, его возьмем –
Отогреем и спасем.

Могикане

В деревне пасмурной и дальней
Цветут все лето лопухи.
Там без проблем уже «глобальных»
Век доживают старики.
И на завалинке, под вечер,
Поговорив о том-о сем,
Они молчат. Судьбой отмечен,
Как алый стяг, горит закат.
И в его отблесках кровавых
Им как-то видится чудно
И 18-й – неправый,
И 41-й – заодно.
В выдавших видах телогрейках
У демократов взяв «реванш»,
Считают нищие копейки
Теперь – на похоронный марш.
Интеллигенты и крестьяне
С рабочим классом не видны.
Они теперь, как могикане
Своей утраченной страны*.

*СССР

* * *

В мгновенье
Закроются створки заката,
И ночь засияет
Сверкающим звездным огнем.
Я с руки не сниму
Черный перстень агата*,
Перстень, который мы часто
Носили вдвоем.

*Агат – камень творчества.

Шафрановый август

Шафрановый август
Душистый и пряный
Кружился над полем
В закате багряном.
И были безмолвны
Вечерние дали,
И ивы безмолвно
У дома качались.
Качались, молчали
В молчанье безликом.
А сердце кричало,
Безгласное, криком
Про радости жизни
На поле Отчизны.

Я уеду от этой погоды

Я уеду из этой деревни.

Н.Рубцов.

Я уеду от этой погоды –
Ни к чему мне ее канитель.
Эти мрачные низкие своды
В продолжение долгих недель.
Снегопад будет биться о землю
И стучать одиноко в стекло.
Непогода, как древнее зелье,
Что в широтах небес залегло.
Я уеду. Пускай канителит –
Все в природе, известно, не зря.
Ведь, недаром уже на неделе
Яркой лентой сверкала заря.
Уезжаю. Но что же так больно,
Что от этих мне проклятых мест!
Что сюда возвращает невольно,
Как распяты, пылающий крест?

* * *

Колючей девчонкой,
Такой недотрогой
По теплой дороге
Бежала весна.
Я думала: Боже,
Как надо мне много
Друзей и любви,
А осталась одна.

* * *

Все лето над лугом
Кричал жаворонок,
Шиповник алел,
Был в разгаре покос.
Дети купались
На тихом откосе,
И было сине
От сверкающих гроз.

* * *

Лимонные дольки, запах корицы.
Осени поздней листаю страницы:
Ранние сумерки, утром – туманы.
Ягодой терпкой набиты карманы.
Рябиновым цветом забрызган закат –
Там август прекрасный ветрами распят,
И, как на качелях, качаются тучи,
И даль беспросветна, и кто-то могуче
Тьму надвигает. А, может быть, лучше –
Янтарные дольки, посыпав корицей,
Закреть этой осени поздней страницы!

* * *

Что-то кажется, блазнится
В плотном сумраке дождя:
То блеснет перо Жар-птицы,
То как будто всадник мчится
И кричит про небылицу:
«Призрак страшного Вождя».

* * *

Какая теплая весна!
А я уже совсем забыла
Ее приход неторопливый
С зарей, горящей до красна;
И город, залитый ручьями,
В вечерних сумерках огней,
И суматоху майских дней,
И сны под лунными лучами
На малой Родине моей.

* * *

Будет август лить дождями
В бесконечности и дреме.
Тяжелея каждой веткой,
Каждым вздохом. Возле дома
Облака прилягут тенью
Без особых очертаний,
Чтобы длительное бденье
Скрасить рифмой: ожиданье.

* * *

Холодно. Пасмурно.
Сумерки волглые.
Тянет недалней зимой.
И разговоры о чем-то предолгие
У Вас – не со мной.
Будет ли, будет ли
Утро обманное
Щедро смотреться в окно,
Или далекое милое странное
Спрячет оно?
В ворохе мусора,
Листьев и слякоти,
В ворохе мук.
Только и надо-то,
Чтоб не заплакати,
Выйти за жизненный круг
Близкой зимы.
Холодно, пасмурно,
Залиты басмою
Дни одинокие здесь.
Господи, может быть,
Хлеба насущного
Даждь днесь?

* * *

Вечереет.
Кромка леса
В темном небе
Тихо тает.
Опадает
Желтый лист.
Собака лает
У калитки.
От заката
Яркий луч
Скользнул куда-то
За копешки.
А в окошки
Кромка леса
Подступает
И на листья,
Как на гроши,
Мое счастье
Покупает.

* * *

Вот и февраль. Заметелил дороги.
Заметелил не то, что следы, а судьбу.
И где-то далеко безмолвные Боги
На счастье мое наложили «табу».
Но видится-видится в позднем рассвете
Звезда над просторами вешних полей,
И небеса ярко-синего цвета
Все ярче пылают над песней моей.

* * *

Февраль
Ветрами нарисует пейзаж,
Оставив напоследок для нас:
Осколки января
И бледный купол неба,
И колокола звон,
И черствый привкус хлеба;
Проталины дорог
Утраченной Державы*
И в поле – прошлогодний стог,
Осевший, ржавый.

*СССР

О словах

Бывают добрыми слова,
Как лечебная трава.
Бывают сильными слова
И с плеч слетает голова.
А ты вчера мне говорил,
Как платья старые дарил.
И я узнала – есть слова,
Как истлевшие дрова,
В них – не любви и не тепла.
Как слушать я тебя могла!
О, я скажу тебе слова:
В них яд змеи, трель соловья.
Я их тебе шепну сама –
Ты только не сойди с ума.

* * *

Мне голос флейты навевал
Разлуки образ,
Тоску и мартовскую даль
И возглас,
Подавленный в груди на грани
Отчаянья и немоты;
И цвет герани,
Обыденный до маяты.
И образ мамин.

* * *

Бывает, что в толпе случайно
Встречаешь вдруг желанный взгляд.
И сердца вековая тайна
Начнет сводить с ума опять.
И разговоры, и признанья
Почти до самого утра.
И звезд оранжевых мерцанье,
И жизни пестрой суета
Уже не кажется банальной,
Такой, какой была вчера.

* * *

В забытых переулках
Весенний месяц март
Кружит закоулками
Сам-друг себе и брат.
И брызгами шампанского
Взрывается капель
И что-то в нем шаманское
И тайное теперь,
И что-то в нем знакомое
Еще от школьных лет,
Далекое – искомое,
Чему названья нет!
Он кружится и синие
Кружатся небеса,
И молодые, сильные
Звучат здесь голоса.

Лист 4-й

Поверья милой стороны
(Мотивы мифов и легенд)

Праздник воскресения

Будет праздник. Трава по оврагам
Расцветет и поднимется в рост.
И по новым серьезным бумагам
Мир наш станет отчаянно прост.
И по новым законам Создания
Заживем среди света и тьмы.
Обновленное наше сознание
Обновленные наши умы
Примут все: и победы сраженья,
И могилы детей и отцов,
И наук обновленных свершенья,
И дубинки – иных молодцов.
Будет праздник. Когда еще будет?
Или завтра уже он придет,
И разбудит планету, разбудит,
И воскресший восстанет народ.
Как един он в своем благочестье,
И делах, как планета больших!
И благие придут тогда вести
Без «обломов», без горького «пшик».
О, святые надежды людские –
Много ль надо средь света и тьмы?
Заживем непонятно какие.
Но постой, это ж будем не мы!

Пусть не мы. Но трава по обрывам
Мироздания опять прорастет,
И опять в обновленных порывах
Будет праздник. В какой только год?

2.

Будет праздник на улице нашей
Скоро-скоро, чуть-чуть подождать,
Только ангел крылами помашет
И святая сойдет благодать:
Будет праздник и душ умиление,
И счастливый, как в детстве, народ
И сердец воскрешенных волнение.
Но не знаю, в какой будет год?
Если праздник, как радость свиданий
Будет – значит, и нам суждено
Милость Бога – судьбы испытанья –
Все испить, как хмельное вино.

Тюменский меридиан

*Создателям мощного Тюменского нефтегазового
комплекса нашей Державы – СССР.*

Седая Обь. В ней небо плещет,
Сверкает в волнах, на весу.
И звук гудка. И память веще
Уносит вновь меня в весну
Любви и яростных открытий
Секретов вечной мерзлоты.
И без каких-либо наитий –
В мир реализованной мечты:
Какие города! – Не дебри
Здесь выросли в проспектах дня,
И сохранившиеся кедры,
Быть может, вспомнят про меня.
И как тайга пленяла сердце,
А тундра знала наперед,
Что этот воздух, стылый серый
Мне душу надвое порвет,
Привяжет к далям невозвратно –
Моей родимой стороне,
Где ЮГ и СЕВЕР – два собрата
Народу служат и стране.
Седая Обь несет качая
Волну крутую в океан.
Здесь звезды блещут, не печалая,
Где наш Тюменский меридиан.

На родине П.П. Ершова*

Поедем в деревню Ершова:
Две улицы, переезд.
Сядем у клена большого.
Тихо, ни звука окрест.
Около древней избушки
В валенках сухонький дед.
В тряпочке хлеба краюшка,
Сколько же старому лет?
Пылью клубится дорога –
Не жизнь, а немое кино.
И, кажется, рядом до Бога
И видится только одно:
Небо высокое, поле
За горизонт, без конца.
И разудалые кони, ой ли –
Русского ль молодца?

* Родина П.П. Ершова – поэта, сказочника.

* * *

Когда шумит осенний тополь
Своей серебряной листвою,
Я вспоминаю древний топот
Коней и голос сильный твой,
Мой редок! «По степям казахским
Тогда водились табуны...»
О, как люблю я эти сказки —
Поверья милой стороны:
В ауле, средь степей полынных,
Где неба синего простор,
Я слышу юношей былинных
Такой веселый разговор:
— Пора, уж сердце сечи просит!
Пока злой враг свой меч не бросит
Сразимся, чтоб всегда
Свободы яркая заря горела!
И сеча грозная кипела.
Но только Времени река
Свои меняет берега.
Да, говорят, мельчают души.
(А, впрочем, что нам байки слушать)
Шумит седой осенний тополь.
Постой... Да это — дальний топот.

На окраине Свердловска

На окраине Свердловска
Чья-то скрипка пела горько.
Шла толпа. И было скользко.
Март начался только-только.
Скрипка пела, как просила:
«Сберегите ваши души».
Было зябко. Моросило.
Март кропал рисунок тушью
Серебристой. Неказистым
Был сюжет. Но пела скрипка.
Март рукой импрессиониста
Рисовал реальность зыбкой
На окраине Свердловска.

* * *

На куполах растаял снег.
И церковь смотрит обновлено
И удивленно: Новый век.
Не дай ей Бог быть обделенной
Любовью Нового Христа –
Миссии будущего мира.
Чьи будут вещие уста
Вкушать нетленный
Кладезь миро?

В Духов день*

Ух, как резвились, веселились —
Деревья гнулись до земли.
А в церкви женщины молились —
Поклоны клали до зари.
И Духов день вставал, светлея.
Заветы древности храня
Русалки, по лесу шалея,
Кружились песнями звеня.
Их звуки тихая округа
Внимала молча, не дыша:
Такая в них звучала мука —
Томилась грешная душа.
А лес шумел, кипел и гнулся.

* Русалочья неделя.

Век уходящий (1999)

Ах, полковник, как зябко и скучно.
Непогода. И целый день выюжно.
И стучит и стучит равнодушно
В двери ветер и сильный, и южный.
Натужно провода замотал, перебросил
К перелеску глухой отголосок.
Вот вернулся. И снова и снова
Он крушит моей жизни основу –
Слово! Что ты мог подарить, как обнову
В этот вечер и скучный, и зябкий.
Но лишь взгляд мне ты бросил украдко.
Ах, полковник, какие недели,
Что там – годы, как пыль пролетели!
То Даманск, то Афган, то Чечня,
Ныне сербы. Век лжи и огня
Он уходит. Уйдет ли война?
Сполна наша чаша испита, до дна.
Что осталось для нас? Для меня?
Ни покоя, ни сна.
Ах, полковник, как все огрубели
От войны, от тоски, от постели
Без любви, без души, без таланта.
(Были мы из породы Атлантов).

Данте рисовать эти муки и страсти:
Злой народ и слащавые власти.
Напасти одолели. Ни сна, ни покоя.
Ах, полковник, что это такое —
Непогода и целый день выюжно.
Никому ничего здесь не нужно
Кроме денег, чинов, болтовни.
Надо встать и затеплить огни,
Перед образом — свечи. Одни
Все сомненья, волненья, заботы.
Ах, полковник, да кто ты!

* * *

Эта осень беременна снегом —
Последние дни на сносях.
Овеяна тихою негой.
А что у судьбы на весах,
Какие Времен перемены?
Обвал то любви, то рубля.
А что им приходит на смену —
Ставьте на короля!
То бубны, то трефи, то черви —
Расклад за раскладом горит,
А поздней осеннею чернью
Воздух студеный горчит.
Да скоро ли снег? И новины —
Прекрасной эпохи крестины!

Приеду домой, буду долго с делами возиться:
Теплым светом заполнятся комнаты, маленький зал.
Будет вечером мама пред образом долго молиться,
Буду я вспоминать, что мне ты на прощанье сказал.
Утром снегу насыплет почти что под самую крышу,
Будет даль голубеть и сверкать на морозе огнем.
Прочитаю в газетах, что местные авторы пишут,
Погрустим возле старой печурки мы с мамой

вдвоем.

А февральская ночь будет яркими звездами сыпать
И таинственным звоном за домом стучать ивняки.
От мороза продрогнут березы, уставшие зыбать:
Петь и качать тишину возле древней застывшей
реки.

Над снегами, над миром, над стонами тихими

птицы

Прокатится медленно в полном сиянье луна.
Не она ли рисует судьбы моей странной страницы,
Не она ль заставляет так долго стоять у окна?
И опять вспоминаю, как в медленном кадре,
столицу

И старинный, и тесный вокзал. И о том, Боже мой! —
Все о том же, что мне ты на прощанье сказал.

Сузге (Юная жена хана Кучума)

Красавица Сузге легка диковата.
У хана Кучума владенья богаты:
Раздольный Иртыш, шитый золотом берег.
О, край этот дикий вовсе не беден!
Рыба, пушнина, покосы – угожья,
Девки здоровы – в полон угоним.
У Сузге, чтоб были глаза не печальны,
Костры на увалах разводим ночами.
В шатер ее носим цветы из тайги.
Красивые волосы у Сузге –
Пахнут так странно: дурманно-дурманно –
Станешь от запаха этого пьяным.
Сладко на сердце от песен ее.
У хана Кучума кочевье свое.
У ног нашей Сузге проводит он дни,
Покорный и властный. Он нас не бранит –
Разгульно и праздно живем на Тоболе,
Любим коней мы да матушку-волю.
Но Сузге печальна одна среди нас:
В селении русском ей ведом был князь –
Он войско собирает, он точит мечи...
О, ратное поле, о чем ты молчишь?
Ни хана, ни Сузге – безмолвье в степи.
Курганов могильных темнеют хребты.

Кош-Карагай*

Кош-Карагай – столица ханства**:
Здесь берег крут и темен бор.
И узкоглазых жен убранство
И первозданно синий дол –
Все в памяти людской доныне,
Все в памяти, как не крути:
Стоянок древние картины,
Дерном поросшие пути;
Походов княжеских победы
Здесь эхом падают с небес
И княжеских раздоров беды,
И клады тайные чудес –
Все здесь, в глуши Кошкарагая,
Потерянного ныне рая.

* Деревня под Ишимом.

** XI–XVI вв.

В Сорочкино*

В Сорочкино – сороки,
Белые бока.
К избушке прилетали,
Стрекота - а - ли. Пока
Ходила за водою,
Воевала с бедою,
Пасла утя,
Поила дитя;
Доила корову,
Меряла обнову;
Пекла пироги –
Со стол широки.
Мужа встречала.
Зыбку качала.
А утром – все снова
Повторю слово в слово:
Примеряла обнову,
Воевала корову,
Пасла дитя;
Пекла утя,
Доила пироги,
Ой, помоги –
Запутала-а-ась!

* Деревня в Приишимье.

* * *

*Памяти Епископа Евтихия, настоятеля
Богоявленского собора. (г. Ишим)*

Батюшка! Святой водицы дай испить или омыться –
Матушка в платке зеленом в поле детства часто
снится.

Снятся птицы возле дома, шепот ветра и небес
И зеленые просторы – белый свет мне снится весь.
Весь в лучах большого солнца! В неоглядной
синеве

Облака; и у колодца – ведра в шелковой траве.
И навек уже забытый чей-то старый мезонин;
Крылья мельницы за садом, за овином. А за ним:
Лес березовый и стадо, путник, бурей гоним
Пеший легкий – кто, откуда? Он один незаменим
До сих пор! Идет, как прежде, то с толпою, то один
И пурпурные одежды шепчут: это Господин.
Батюшка, святой водицы окропить углы Вселенной
Принеси, а также – свечи, чтоб горел огонь
нетленный.

* * *

Выйду ли в поле
Порою вечернею –
Стонет там жалко кулик.
За полосою
Далекой неверною
Солнышко скроется в миг.
Лента дороги
Зовуще-обманчиво
Вспыхивать будет в огнях,
А над полянами вечными
Вкрадчиво
Встанет надменно Луна.

* * *

Старые фотографии
Поздним вечером я смотрела.
В моем обессиленном сердце
Пустынной осенью
Вдруг запела весна.

* * *

Время – восемь.
В сердце – осень.
Уж, сентябрь наступил,
Что бы ты ни говорил.
Все темнее вечерами
Над притихшими дворами.
Только птицы-вереницы,
Запах скошенной пшеницы;
Полушепот, полумгла
И все – дела.

Рождественский месяц

Г.Я.Свяженину

Рождественский месяц
По снегу, по крышам
Скользнул и за лесом
Поднялся к вершинам –
К вершинам небес.
У ярких созвездий
Сиял и смеялся.
Как символ возмездья
Греховных деяний
В людском одеянье
Пес на земле завывал.
Он боялся? Боялся теней
Возле леса, за домом –
Знакомое стало ему
Незнакомым;
Огней над деревней,
Над вечным покоем.
Как будто бы знал
Что-то в жизни такое –
Такое, с чего невозможно
Не плакать, не выть
И не жить здесь
Последней собакой

На этих просторах
Безлюдных и лютых.
А месяц катился.
Он с каждой минутой
К лесу все ближе.
По снегу и крышам
Скользнул и умчался
К небесным вершинам.
К вершинам небес.

Оттепель

Оттепель. Микробы. Грипп.
Сплошь – столпотворенье.
Лимоны выжать и сварить
Из корочек варенье?
Охрип мой шеф. Бедняга, он
С газетной полосой
Сражается. – Наполеон!
Как жаль, он – не со мною.
Но оттепель. И серый снег
Растаял на дорогах.
И времени мгновенный бег
Оставил нам немного надежд
На праздность и любовь,
На легкие признанья.
И гаснут звуки ярких слов,
А чувства – без вниманья.
Микробы. Грипп.
А шеф мой влип
В газету – вот, отрада.
А я уеду. От него мне
Ничего не надо!
Столпотворенье – сплошь.
И снег. Лимоны выжать!
Все ж, мне надо будет выжить.

Предчувствие любви

На закате

Кроны кленов

Багровели.

Еле-еле

Голубели ели.

Млели

Улицы от знойного июля.

Но кто сказал вам,

Что люблю я?

2024 год

К истокам

Возвращаются реки к истокам.
Хорошо это или жестоко?
Это прошлое возвращает,
Не отпускает и не прощает.
Что же в далях родимых, рассветных
Я пытаюсь найти горемыка –
Тайну предков, однажды забытых,
Свиток их немудреных заветов?
Отыщи-ка, узнай-ка, поди-ка –
Дали настужь, как двери открыты,
Заходи, что же ты, горемыка.
В этом сонме раakit и акаций
Грусть волною озерной накатит.
Хватит безумных простраций
Непогашенных облигаций
Волчьей, какой-то звериной тоски!
Все – с начала, все – с чистой доски!
«А вы чьи? Чьи вы, чьи вы? – Кричали грачи.
Звезд немереных в майской ночи панорама!
Упрямо я к истокам своим возвращаюсь.
И люблю и прощаю.

СОДЕРЖАНИЕ

Лист 1-й.

Ангел трубит

и бессмертным качает крылом 3

Лист 2-й.

Душа дика и безмятежна

(Степные напевы) 52

Лист 3-й.

Вдали, где красен горизонт

(Этюды) 95

Лист 4-й.

Поверья милой стороны

(Мотивы мифов и легенд) 142

Нина Ющенко
Ющенко (Свяженина) Нина Дмитриевна

Мир стоокий

*Современная отечественная
поэзия*

Вёрстка – О.Ю. Румянцева

ООО «Ишимская типография»:
627750, Тюменская область, г. Ишим, ул. Чкалова, 17.
E-mail: it115@mail.ru. Тел. 8(34551) 2-35-50.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Объем 9,77 усл.п.л.